

Иван Старостин

ЭПОХА СУМЕРЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ

Иван Старостин

**ЭПОХА СУМЕРЕЧНОЙ
ЭНЕРГИИ**

«Автор»

2025

Старостин И. В.

ЭПОХА СУМЕРЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ / И. В. Старостин —
«Автор», 2025

2073 год. Энергетическое «сердце» старого мира остановилось. Нефть больше не королева, а солнечные панели и термояд — не панацея, а поле ожесточенных битв. В первой книге трилогии, «Расщеп», человечество, охваченное паникой, борется за ресурсы и выживание. Во втором томе, «Синтез», рождаются новые технологии и общества на обломках прежних. Финальный «Вектор» поставит главный вопрос: куда двинется вид, нашедший почти безграничную энергию, но утративший единство? «Эпоха сумеречной энергии» — это эпичная сага о кризисе, надежде и судьбоносном выборе, где в фокусе не только масштабные события, но и судьбы отдельных людей: капитана последнего танкера, ученого у термоядерного реактора и ребенка, в руках у которого — будущее.

© Старостин И. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ТОМ 1: «РАСЩЕП»	5
ГЛАВА 1: «ПОСЛЕДНИЙ ТАНКЕР»	5
ГЛАВА 2: «ЗОЛОТО ПУСТЫНИ»	14
ГЛАВА 3: «УГЛЕРОДНЫЕ КОПИИ»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

ЭПОХА СУМЕРЕЧНОЙ ЭНЕРГИИ

ТОМ 1: «РАСЩЕП»

ГЛАВА 1: «ПОСЛЕДНИЙ ТАНКЕР»

СЦЕНА 1: ПРОЩАЛЬНЫЙ ГУДОК

Серая вода сливалась с серым небом где-то на широте Северного моря. Гигант, длиной в треть километра, «Титан Прогресса» не плыл – он влачился по воде. Его корпус, некогда гордо выкрашенный в синий и красный, был покрыт шрамами ржавчины и заплатами временной смолы. Он шел без флага. В том, чтобы вывешивать цвета какой-либо нации, давно не было смысла.

На мостике пахло старым пластиком, холодным кофе и тихой безнадеей. Капитан Маркас Соренсен, положив руки на стойку радара, смотрел не на экраны, а в свинцовое марево за бронированным стеклом. Его лицо, изрезанное морщинами, как карта штормовых маршрутов, было неподвижно. В ушах, привыкших за сорок лет к рокоту турбин, теперь стояла непривычная, гнетущая тишина. Глушили лишь жалобный вой ветра в растяжках мачт и прерывистое шипение рации.

«– ...повторяю для всех судов в секторе Семь. Норвежский энергоконвой запрашивает приоритетный проход. У нас на борту критический груз литиевых матриц. Просим освободить коридор...»

«– Маяк «Абердин-Песчаный» с шестнадцать часов переходит на аварийное питание. Огни погашены. Повторяю, навигационные огни погашены...»

«– Это «Северный Ветер». Наш запас хода шесть часов. Просим о буксировке или координатах убежища. Кто-нибудь...»

Голоса в эфире были разными – от механически-холодных до срывающихся в истерику. Хор конца эпохи.

Маркас отвернулся. Его взгляд упал на единственную яркую точку в рубке – голографическую проекцию грузового манифеста. Цифра «850 000 баррелей сырой нефти сорта «Брент» мерцала ядовито-зеленым. Не груз. Нет. Гроб.

«Скорость?» – его голос прозвучал как скрип ржавой двери.

«Десять узлов, капитан, – отозвался у штурвала молодой, с испуганными глазами штурман. – Турбина три на минимальных оборотах. Инженер Ковальски говорит, больше не вытянем. Палим последний аварийный запас синтетической солянки. Она грязная. Фильтры забируются».

Маркас кивнул. Он знал. Он все знал. Они везли в своих чревах последнюю настоящую кровь умирающего мира, а питались его суррогатной, ядовитой похлебкой. Поэзия абсурда.

Дверь в ходовую рубку открылась, впусив волну звуков с палубы – лязг, скрежет, проклятия. Вошла Лайза Чжан. В комбинезоне, испачканном машинным маслом, с планшетом в руках, она казалась чужеродным, слишком живым элементом в этой законсервированной гробнице. Ее глаза, быстрые и умные, метнулись к показаниям датчиков, затем к лицу капитана. В них не было страха экипажа. Была холодная, сосредоточенная решимость. И что-то еще. Боль?

«Капитан. Отчет по системам охлаждения грузовых танков. Удерживаем температуру, но система балансирует на грани. Еще одна поломка насоса, и мы либо взорвемся, либо нефть загустеет до состояния асфальта. В любом случае, контракт сорвем».

Она говорила четко, технично. Но Маркас уловил в ее голосе странные нотки. Не тревога инженера за вверенное имущество. Скорее... нетерпение палача?

«Что предлагаете, мисс Чжан?» – спросил он, наблюдая за ней.

«У нас есть три неиспользованных аварийных дизель-генератора. Можно переключить часть их мощности на контур охлаждения. Это риск – останемся без резервного освещения и связи. Но шанс довести... груз до пункта назначения повысится на восемнадцать процентов».

«Сделайте», – просто сказал Маркас.

Она кивнула и резко развернулась, чтобы уйти. Ее взгляд на секунду зацепился за иллюминатор, за серую, мертвую воду. И в этом взгляде Маркас прочитал нечто, заставившее его старую морскую душу сжаться. Не страх. Отвращение.

«Мисс Чжан, – остановил он ее. – Вы на «Титане» два месяца. Ни разу не спросили, как работают главные турбины. Необычно для инженера».

Она замерла, не оборачиваясь.

«Эпоха турбин закончилась, капитан. Я здесь, чтобы отслеживать агонию. Не более».

И вышла.

Маркас снова посмотрел в окно. Где-то там, в тумане, был Гамбург. Последний порт. Последняя остановка. Он медленно достал из кармана потертую ладонью фотографию. Молодой он, улыбающийся, на фоне сверкающего нового «Титана». И он же – его отец, великий капитан Соренсен-старший, положивший руку ему на плечо. Гордость династии. Они были богами, двигавшими континенты. Теперь он водил плавучий саркофаг.

Рация снова зашипела. Новый голос, на этот раз официальный, из Евроэнергокомиссии:

«– «Титану Прогресса». Добро пожаловать в зону ответственности Гамбурга. Ваш коридор «Омега-Последний» подтвержден. Ожидайте лоцмана и вооруженного эскорта. Причал номер Ноль. Повторяю, причал номер Ноль. Примите к сведению: любое отклонение от курса будет расценено как акт агрессии».

Причал номер Ноль. Символично. Ноль надежды. Ноль будущего.

Маркас положил фотографию обратно в карман и нажал кнопку судового гудка. Один долгий, низкий, пронзительный звук разорвал тишину. Не триумфальный салют. Нет.

Это был стон.

Реквием.

СЦЕНА 2: ДУША МАШИНЫ

Машинное отделение «Титана» было сердцем корабля. Вернее, тем, что от него осталось. Когда-то здесь царил оглушительный, живой гул – песня двухсот тысяч лошадиных сил, рожденных в горниле главной турбины. Теперь тут было тихо, как в склепе. Громада турбины, высотой в три палубы, стояла, закованная в сталь и тишину. Лишь кое-где мигали аварийные светодиоды, да с шипением вырывался пар из недопечатанных клапанов.

Лайза Чжан пробиралась между трубами, ее фонарь выхватывал из мрака пятна ржавчины, подтеки масла, пыльные таблички с надписями на немецком и корейском. Ее пальцы, вопреки воле, тянулись прикоснуться к холодному металлу. Отец. Ее отец, Ли Чжан, тридцать лет проработал старшим механиком на платформе «Нептун-9» в Южно-Китайском море. Он мог на слух определить малейшую неисправность в самом сложном двигателе. Он называл их «железными драконами» и говорил, что у каждого есть душа.

Он погиб, когда «Нептун-9» затопило во время шторма «Кай». Слишком старая платформа, слишком изношенное оборудование, слишком жадные хозяева, выкачавшие все до капли и бросившие тех, кто им служил. Ей было шестнадцать. Она поклялась тогда, что «железные драконы» умрут. Все до одного.

Ее планшет мягко вибрировал. Сообщение из глубин защищенной сети:

«Рассвет» – Лайзе. Статус «Ангел-хранитель»? Цель жива? Ждем сигнала «Падение Иерихона».

Лайза сжала губы. «Ангел-хранитель» – ее позывной. Цель – «Титан Прогресса». «Падение Иерихона» – команда на активацию логической бомбы, вшитой ею в систему управления балластными цистернами. По легенде, сбой должен был вызвать крен, вынужденную эвакуацию и скандал, после которого танкер отправят на слом. Но Лайза знала истинные расчеты своих кураторов. При определенном стечении обстоятельств крен мог привести к разлому корпуса. К быстрой, «героической» гибели последнего великого танкера в открытом море. Идеальный символ. Яркий финал.

Она подошла к турбине, положила ладонь на массивную крышку картера. Металл был ледяным.

«Прости, батя, – прошептала она. – Но твои драконы... они всех съели. Пора положить конец».

Внезапно из темноты вынырнула фигура в засаленном комбинезоне. Старый механик, которого все звали Дед. Его лицо, похожее на высушенную грушу, было испачкано сажей. В руках он держал ветошь и канистру с маслом.

«А, юный инженер, – хрипло сказал он. – Пришла поглядеть на покойничка?»

«Я проверяю системы, – холодно ответила Лайза.»

«Системы... – Дед фыркнул и подошел к турбине. – Это не система. Это она. Маргарита. Я ее так назвал. Тридцать лет вместе. Красавица, а?»

Он начал вытирать ветошью бессмысленно уже чистое смотровое окошко, его движения были полны нежности.

«Помню, как мы в первый раз вышли на полную... Гул стоял такой, что в груди переворачивалось. Мощь. Настоящая мощь. Мы свет в дома привозили. Тепло. Мы мир кормили».

«Она мир и убила, – сорвалось у Лайзы. – Выкачала все соки, отравила все вокруг.»

Дед остановился и посмотрел на нее странным, почти жалобным взглядом.

«Детка, машина не виновата, в чем ее используют. Она просто работала. Верой и правдой. Как и мы все. Виноваты те, кто решил, что можно бесконечно брать и ничего не давать взамен».

Он потрепал металлический бок «Маргариты».

«А теперь ее списывают. На иголки. Душу вынут, корпус порежут на сувениры для богачеев. Несправедливо. Так нельзя с живым существом. У нее душа есть, я тебе говорю».

Лайза хотела возразить, сказать, что это просто кусок металла. Но слова застряли в горле. Она видела, как у старика на глазах блеснули слезы. Настоящие. Он прощался. Не с работой. С другом.

«Что вы будете делать... после?» – спросила она тише.

Дед пожал плечами.

«А кто меня ждет? Дети в Австралию смылись, жена давно... Попробую в угольные копи устроиться. Или на синтетику. Дышать смогом, зато греться. А ты?»

«Я... не знаю».

«Верю. У тебя глаза, как у моего шкипера. Потерянные. Он тоже не знает, куда ему плыть, когда кончится его море».

Дед вздохнул, взял свою канистру и поплелся в темноту, оставив Лайзу наедине с холодным «железным драконом» и невыносимой тяжестью в груди. Ее рука снова потянулась к планшету, к кнопке отправки условленного сигнала. Но пальцы не слушались.

Она больше не видела перед собой символа. Она видела «Маргариту». И Деда. И своего отца, который бы точно так же плакал, прощаясь со своим «драконом».

Логическая бомба ждала своего часа. А Лайза внезапно поняла, что не может стать тем, кто нажмет на спуск. Не из-за жалости. Из-за предательства. Предательства памяти отца, который любил свои машины, какими бы они ни были.

Но и отказаться от миссии она не могла. «Рассвет» был ее семьей, ее религией последние десять лет.

Она стояла в полумраке машинного отделения, разрываясь на части, в то время как старый танкер, тихо поскрипывая, плыл навстречу своему последнему порту.

СЦЕНА 3: РЖАВОЕ ЗОЛОТО

Гамбург встретил их молчанием и холодом. Небо над портом было неестественно чистым – не работали ни фабрики, ни электростанции. Воздух, лишенный привычной промышленной вони, пах сыростью и разложением.

«Титан» медленно, словно слепой гигант, вползал в акваторию под присмотром двух маленьких, юрких катеров береговой охраны с тускло мерцающими синими огнями. На причале, который когда-то кишел кранами, грузчиками и контейнерами, теперь царила пустота. Лишь у одного пирса, обозначенного огромной, облупившейся цифрой «0», маячила группа людей и несколько грузовиков с вооруженной охраной.

Маркас стоял на крыле мостика. Ветрозащитный козырек не спасал от ледяного ветра, рвавшего с Эльбы. Он смотрел на родной, умирающий город. Вдалеке, в районах Альтоны и Санкт-Паули, к небу поднимались тонкие столбы черного дыма – горело то, что не могли или не хотели тушить. Ближе к порту окна небоскребов были темными, слепыми. Лишь в самом центре, у ратуши и озера, горели островки света – анклав для элиты и силовиков, питаемые отдельными геотермальными источниками и аккумуляторами.

«Лощман передает приветствие и требует открыть внешний канал для видеосвязи с комиссаром», – доложил штурман.

«Откройте, – буркнул Маркас. На экране коммуникатора возникло лицо – выхоленное, холодное, с глазами, оценивающими не людей, а актив. – Капитан Соренсен? Я комиссар Фогель. Пришвартовывайтесь к нулевому пирсу. Ваш груз будет немедленно изъят по протоколу «Последняя капля». Экипаж пройдет дезинфекцию и карантин в зоне «Дельта». Личные вещи – досмотр. Контракт считается исполненным по факту передачи груза. Вопросы?»

Голос был лишен интонаций. Голос машины в человеческой оболочке.

«Вопросы, – сказал Маркас. – Мое судно. По условиям, после разгрузки оно должно быть отведено на отстой и утилизацию под моим командованием.»

«Условия изменились, капитан. Решение комиссии: судно «Титан Прогресса» будет разгружено, после чего переведено в док номер три для немедленного начала утилизации. Ваши услуги более не требуются. Вы получите расчет и... статус перемещенного лица второй категории».

Маркас почувствовал, как что-то холодное и тяжелое опускается у него внутри. Он предполагал, что его карьера закончится здесь. Но чтобы вот так... как ненужную тряпку.

«Я требую соблюдения контракта. Мой экипаж...»

«Ваш экипаж состоит из наемников с сомнительным прошлым, капитан. Они будут трудоустроены в соответствии с потребностями Евроэнергокомиссариата. Швартовые, начинайте».

Связь прервалась. Маркас сжал перила так, что костяшки побелели. Он видел, как к борту танкера, грохоча, причаливали гигантские пауки-краны. Начинали свою работу. Выкачивать душу.

Процесс разгрузки занял двое суток. Двое суток ада. Экипаж, загнанный в угол карантинной зоны на верхней палубе, наблюдал, как через огромные шланги уходит их груз, их смысл, их последняя ценность. Лица людей ожесточались. Шли разговоры о бунте, о том, чтобы захватить какой-нибудь из грузовиков и смыться. Но вездесущая охрана с автоматами и в бронежилетах пресекала любые попытки сближения.

Лайза, запертая с другими, видела, как Маркас день и ночь стоял у иллюминатора, наблюдая за опустошением своего корабля. Он не ел, не спал. Он просто смотрел. И в его спине, всегда такой прямой, появилась сутулость. Слом.

На третье утро, когда последний насос отключился с жалобным всхлипом, на борт поднялся комиссар Фогель в сопровождении охраны.

«Капитан. Груз принят. Ваше присутствие на судне более не требуется. Прошу вас и ваш экипаж проследовать к транспорту».

Маркас медленно обернулся. Его глаза, впалые и красные от бессонницы, встретились с глазами комиссара.

«Мне нужно забрать личные вещи с мостика.»

«Необходимые вещи уже изъяты и отправлены на досмотр.»

«Карты. Судовой журнал.»

«Цифровые копии будут вам предоставлены. Оригиналы – собственность Архива комиссариата».

Маркас сделал шаг вперед. Два охранника тут же подняли автоматы.

«Это мой корабль, – тихо, но так, что было слышно в мертвой тишине, сказал Маркас. – Я его капитан. До последнего заклепки.»

«Ваш корабль, капитан, – это кусок металлолома, который стоит меньше, чем пайка вашего экипажа на неделю, – холодно парировал Фогель. – Не усложняйте. Ваше время кончилось».

В этот момент Лайза, наблюдающая из толпы экипажа, увидела, как что-то в Маркасе умерло. Последняя искра. Погасла. Его плечи опустились окончательно. Он кивнул, больше не глядя на комиссара, и повернулся к своим людям.

«Слышали. Собираемся.»

В его голосе не было ничего. Пустота.

Когда они, жалкой колонной, спустились по трапу на причал, Лайза обернулась. «Титан Прогресса» стоял, безжизненный и пустой, пришвартованный к пирсу-призраку. Гигантский саркофаг. На его палубе уже сновали люди в защитных костюмах с резаками – стервятники, прилетевшие разделять тушу.

Она поймала взгляд Маркаса. Он смотрел не на людей, не на порт. Он смотрел на линию горизонта, где серое море сливалось с серым небом. И в его взгляде она вдруг прочитала не поражение.

А решение.

СЦЕНА 4: ДИВЕРСАНТ И КАПИТАН

Карантинная зона «Дельта» оказалась переоборудованным складским ангаром. Нары, тусклый свет, запах дезинфектора и отчаяния. По периметру – вооруженная охрана. Разговоры шли шепотом. Планы строились и рушились. Дед мрачно сообщил, что всех мужчин при годности отправят в «угольные копи» на восток. Женщин – на сборку аккумуляторов. Стариков и больных – в «центры адаптации», о которых лучше не думать.

Лайза сидела в углу, обхватив колени, и пыталась принять решение. Ее планшет был мертв – внешняя связь заблокирована. Сигнал «Падение Иерихона» не был отправлен. «Рассвет» сочтет ее провалившейся или предавшей. Ей оставалось только плыть по течению в этот новый, жуткий мир рабского труда. Или...

Или признаться. Маркасу. Странная, иррациональная мысль. Но старый капитан был единственным человеком здесь, который, как ей казалось, мог понять. Он тоже потерял все. Он тоже стоял на краю.

Ее размышления прервал тихий голос над ней:

«Инженер Чжан. Пройдемте.»

Это был один из охранников. Не грубый, почти вежливый. Сердце Лайзы упало. Раскрыли? Взяли след?

Ее повели не к выходу, а вглубь ангара, к запертой комнате, бывшему кабинету начальника склада. Внутри, за столом, сидел Маркас Соренсен. На столе горела газовая лампа, отбрасывая прыгающие тени. Охранник кивнул и вышел, притворив дверь.

«Садитесь», – сказал Маркас. Его голос был спокоен, устал.

Лайза села, готовясь ко всему.

«Вы знали, что на борту была диверсионная группа?» – спросил он прямо, глядя на нее поверх пламени лампы.

Лайза похолодела. Но отступить было некуда.

«Знаю.»

«Вы входили в нее?»

Пауза. «Да.»

Маркас медленно кивнул, как будто получил подтверждение давней догадке.

«Логическая бомба в системе балласта?»

«Да.»

«Почему не активировали?»

Лайза вздохнула. «Потому что... потому что это было бы убийство. Не символическим актом. Реальным. Экипаж... Дед...»

«Дед говорил с вами о душе машины, да?»

Она удивленно взглянула на него.

«Я знаю своих людей, мисс Чжан. И вижу, когда в них что-то меняется. Дед – последний романтик. Он может разбудить совесть даже в фанатике.»

«Я не фанатик, – с вызовом сказала Лайза. – Я видела, что эта индустрия делает с людьми. С моей семьей.»

«И я видел, – тихо ответил Маркас. – Я видел больше. Я видел, как она кормила, строила, согревала целые страны. Добро и зло не в турбинах, девочка. Они в нас. В тех, кто у руля. И сейчас у руля – такие, как Фогель. Которым все равно, на чем плыть, лишь бы быть капитанами.»

Он откинулся на стуле, и тень скрыла его лицо.

«Они отняли у меня корабль. Предали. Осквернили долг. Мой «Титан» обречен. Его порежут на сувениры для таких, как Фогель. Я не могу этого допустить.»

Лайза насторожилась. «Что вы хотите сделать?»

«Я хочу дать ему достойный конец. Не на иголках. Не как металлолом. Как корабль. Как воин, павший в последнем бою.»

«Вы хотите... затопить его?»

«Я хочу превратить его в памятник. В искусственный риф. Чтобы рыбы жили в его трюмах. Чтобы водоросли оплели его мачты. Чтобы он приносил пользу, даже умирая. Настоящую пользу. Не как символ. Как новую жизнь.»

Лайза смотрела на него, пораженная. Безумие. Чистейшее безумие. Украсть у комиссариата один из последних гигантских танкеров? Поднять восстание? Это самоубийство.

«Это невозможно. Охрана, системы слежения...»

«Системы слежения я знаю лучше, чем их создатели. Охрана думает, что корабль мертв. У него нет топлива. Но у него есть я. И, возможно, вы.»

«Я?»

«Ваша бомба. Ее можно перепрограммировать? Не для затопления, а для... контролируемого затопления. Чтобы он лег на дно именно там, где нужно. На мелководье у скал, где будет рифом, а не помехой.»

Лайза задумалась. Теоретически... да. Если получить доступ к главному серверу. И если отключить аварийные маяки и систему оповещения.

«А экипаж?»

«Экипаж я выведу. Под предлогом прощания. Им дадут последний шанс забрать личные вещи. Мы поднимемся на борт, проведем «церемонию». А потом... вы останетесь со мной.»

«Вы доверяете мне? После того, как я пришла вас уничтожить?»

«Вы не уничтожили. Значит, вам есть что терять. И, как и мне, есть что защищать. Не прошлое. Будущее.»

Он вытащил из-под стола потрепанный бумажный планшет. Не цифровой. Бумажный. Развернул его. Это была старая, подробная карта Северного моря. И на ней, вдали от основных путей, у отмели с названием «Слезы Фригии», был начерчен круг. А рядом – схематичный рисунок, подпись: «Проект «Прилив». Арктика. Координаты...»

Лайза взгляделась. «Что это?»

«Легенда. Слух. Последняя надежда для таких, как мы. Говорят, там, на краю света, группа ученых пытается зажечь новое солнце. Настоящее. Чистое. Им нужны люди, которые помнят, что такое долг и честь. Или просто умеют работать.»

Он посмотрел на нее.

«Я не могу плыть туда на «Титане». Он для этого не предназначен. Но я могу дать ему достойные проводы. А потом... попробовать добраться до этого места. С вашей помощью. Вы ведь ищете не смерть старого мира, а рождение нового?»

Лайза молчала. Буря эмоций и мыслей бушевала в ней. Это было безумие. Но в этом безумии было больше смысла и чести, чем во всем, что предлагал этот новый, жестокий мир. Или ее старые соратники из «Рассвета», готовые на убийство ради хэштега.

«Доступ к серверу возможен только с капитанского терминала на мостике, – наконец сказала она. – И нужен физический ключ.»

«У меня он есть, – Маркас достал из кармана старомодный, толстый USB-ключ. – Капитанская привилегия. Охранники его не нашли.»

«Тогда... нам нужен отвлекающий маневр. И план, как нам двоим потом сойти с корабля, который будет тонуть.»

На губах Маркаса впервые за много дней дрогнуло подобие улыбки.

«Значит, договорились, инженер?»

Она глубоко вдохнула и кивнула.

«Договорились, капитан.»

СЦЕНА 5: НЕФТЯНЫЕ ПОХОРОНЫ

Их выпустили на следующий день. Под конвоем, конечно. Предлог был прост и гениален: Маркас, как капитан, подал официальное прошение – разрешить экипажу провести последнюю, прощальную церемонию на борту своего судна. «Ради морального дуба и предотвращения беспорядков». Фогель, просчитав риски (бунт в ангаре vs. контролируемое мероприятие на изолированном судне), дал добро. Под усиленной охраной.

Сорок три человека ступили на палубу «Титана Прогресса» в последний раз. Было холодно. Дуло. Но люди выпрямлялись, вдыхая знакомый, родной запах моря, металла и мазута. Они шли по своим местам, касаясь поручней, заглядывая в знакомые уголки. Даже охранники, идя по пятам, выглядели немного неуверенно перед этой тихой, торжественной скорбью.

Маркас собрал всех на корме, у основания надстройки. Он стоял перед ними, в своей потертой капитанской куртке, и говорил. Негромко, но так, что слышно было каждое слово.

«Мы собрались здесь не для того, чтобы оплакивать кусок металла. Мы собрались, чтобы попрощаться с товарищем. С тем, кто кормил наши семьи, давал нам дом, учил нас быть сильными. «Титан» был больше, чем работа. Он был частью нас. И мы – частью него.»

Он обвел взглядом лица – старые и молодые, уставшие и озлобленные.

«Мир говорит, что мы – реликт. Что наше время прошло. Что мы загрязняли и грабили. Пусть говорят. Но они не знают, что такое – чувствовать под ногами дыхание стального гиганта.

Не знают, что такое – довести груз сквозь шторм. Не знают нашей чести. И сегодня... сегодня мы покажем им, как уходят настоящие моряки. Не на слом. Не в позор. А с честью. С поднятым флагом.»

Он махнул рукой. Дед и еще двое старых моряков подняли по фалам тот самый, потертый флаг компании, под которым «Титан» ходил в лучшие годы. Синий с красной молнией. Он взмыл на кормовом флагштоке и затрепетал на ветру. Люди замерли. У многих на глазах блестели слезы.

«Теперь, – сказал Маркас, – у вас есть час. Попрощайтесь. Возьмите то, что дорого. Потом мы сойдем. А «Титан»... «Титан» отправится в свой последний рейс. Один.»

Охранники, немного смущенные, позволили людям разойтись. Маркас встретился взглядом с Лайзой и едва заметно кивнул. Их час начался.

Пока экипаж собирал жалкие пожитки, они вдвоем поднялись на мостик. Охранник у входа, получивший от Фогеля четкий приказ не пускать, колебался, увидев капитана.

«Последний осмотр, – сказал Маркас. – Капитанская обязанность. Она – инженер, поможет снять последние показания для архива.»

Охранник, малограмотный наемник, пожал плечами и пропустил.

Внутри царил мертвая тишина. Маркас вставил ключ в терминал. Система, питаемая аварийными батареями, ожила с жалобным писком.

«Делайте свое дело, инженер, – сказал он. – У вас пятнадцать минут. Я буду следить.»

Лайза подключила планшет, ее пальцы затанцевали по клавишам. Она обходила блокировки, переписывала код своей бомбы, закладывая новые координаты – «Слезы Фригии». Отключала транспондер, аварийные маяки. Маркас в это время у другого пульта вручную, через аварийные клапаны, заполнял балластные цистерны в носовой части. Корабль уже был пуст, он должен был лечь на грунт ровно.

«Готово, – выдохнула Лайза. – Программа запустится по таймеру, через сорок минут после того, как мы покинем борт. Он даст небольшой ход вперед, потом получит крен на левый борт и...»

«И ляжет на песок, на двадцати метрах, – закончил Маркас. – Ровно, как на стоянке. Идеально. Спасибо.»

Они вышли на крыло мостика. Внизу, на палубе, экипаж уже строился, готовый к уходу. Охранники торопили. Маркас подошел к рупору внутренней связи, взял микрофон.

«Всем. Это капитан. Сходите с достоинством. Помните. А теперь... прощайте.»

Он положил микрофон и повернулся к Лайзе.

«Идемте. У нас есть свой путь.»

«Как мы сойдем? Охранники пересчитают всех.»

«Есть один способ. Старый, как мир.»

Он подвел ее к запасному выходу с мостика, который вел не вниз, а на узкий технический балкон, тянувшийся вдоль надстройки. В конце балкона висела спасательная шлюпка старого образца – не герметичная капсула, а открытая баркас на таях. Противопожарный стандарт прошлой эпохи.

«В ней, – сказал Маркас. – Они не будут ее проверять. Когда корабль даст ход и начнет крениться, мы отдадим тали и спустимся на воду. Рискованно, но шанс есть.»

Лайза кивнула. Альтернативы не было.

Они спустились на палубу вместе с последними членами экипажа. Маркас крепко жал руки, хлопал по плечам. С Дедом они обнялись, не говоря ни слова. Старик что-то понял. В его глазах стояла не печаль, а гордость.

Колонна тронулась по трапу на причал. Охранники пересчитывали. Лайза и Маркас замедлились, отстали от группы, будто что-то ища на палубе. Когда основная масса людей

сошла, а охранники увлеклись их переключкой, они метнулись в тень надстройки и юркнули в дверь.

Через пять минут они уже сидели в холодной, пропахшей плесенью шлюпке, затаив дыхание. Через иллюминатор мостика они видели, как Фогель что-то кричит Маркасу, не найдя его среди сошедших. Начиналась суматоха.

«Пора, – сказал Маркас. – Держись крепче.»

Он потянул рычаг аварийного запуска дизеля. Где-то внизу, в машинном, содрогнувшись, заработал последний, крошечный генератор. На экране навигационного терминала Лайзы отсчет таймера достиг нуля.

«Титан Прогресса» вдруг вздрогнул всем корпусом. Глухой, мощный гул, исходящий из самых его недр, прошел по металлу. Это была не песня былой мощи, а последний, предсмертный вздох.

Корабль медленно, очень медленно, начал двигаться вперед. Отходя от причала. Сам. Без буксиров. На причале поднялась паника. Завыли сирены, забегали люди. С катеров береговой охраны полетели осветительные ракеты.

«Титан» набирал ход, направляясь в проход из гавани. Его нос начал клониться влево. Крен усиливался. Уже в десять градусов. Пятнадцать.

«Сейчас!» – крикнул Маркас и перерубил топором тросы талей.

Шлюпка с грохотом полетела вниз, ударилась о воду, отскочила. Маркас заработал веслами, отгребая от гигантского, кренящегося борта. Они были в тени, в хаосе, их никто не видел.

Лайза, держась за борт, обернулась.

Она увидела то, что запомнила на всю жизнь.

«Титан Прогресса», последний великан, уходил в море. Его корпус, освещенный снизу прожекторами катеров и багровым заревом пожаров с берега, был похож на древнего кита, уходящего в глубину. Он лег на борт почти под тридцать градусов, его палуба ушла под воду. И тогда, на самой вершине кормовой надстройки, где реял флаг, вспыхнул яркий, чистый луч прожектора. Последний резерв энергии. Он бил в небо, как прощальный салют.

А потом луч начал гаснуть. Медленно. Словно затухающее дыхание.

И корабль, тихо, почти нежно, скрылся в темных водах Северного моря. Не было взрыва. Не было катастрофы. Было достоинство. Было прощание.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь криками с берега и плеском волн об их шлюпку, Лайза выдохнула. Она посмотрела на Маркаса. Он сидел, обернувшись к месту, где исчез его корабль, и по его щеке, огрубевшей от морских ветров, катилась одна-единственная слеза. Но на лице его не было горя. Было спокойствие. Дело было сделано.

Он повернулся к ней, достал из внутреннего кармана ту самую, мокрую, но уцелевшую карту.

«Ну что, инженер Чжан, – сказал он. Голос его снова был тверд. – Теперь наш курс – на север. К «Приливу». Грести будешь?»

Лайза посмотрела на темный горизонт, где только что погас последний луч. Где был похоронен старый мир. Потом на карту в его руках. На схему нового солнца.

Она взяла второе весло.

«Грести буду, капитан.»

ГЛАВА 2: «ЗОЛОТО ПУСТЫНИ»

СЦЕНА 1: ПЕСЧАНЫЕ ПИРАТЫ

Пустыня Руб-эль-Хали дышала зноем, как огромный раскаленный зверь. Воздух над дюнами колыхался, искажая линию горизонта, превращая мир в бледное, дрожащее марево. Здесь не было ни птиц, ни насекомых. Только ветер, скульптор безмолвия, пересыпавший песок с гребня на гребень.

Рев разрезал эту древнюю тишину.

Три электробагги, похожие на скорпионов-мутантов, неслись по бархану. Их каркасы были сварены из обрезков труб и старых солнечных панелей, колеса – широкие, с агрессивным протектором, снятым с брошенной сельхозтехники. На крыше каждого – треснувшая фотоэлектрическая пленка, питающая жадные батареи. Это были машины-падальщики, идеальные для нового мира.

За рулем головной машины сидел Тарик аль-Джассим. Запачканный песчаной пылью шемаг скрывал нижнюю часть лица, оставляя на виду лишь темные, жесткие глаза, прищуренные от солнца и концентрации. Его пальцы в потрескавшихся перчатках уверенно лежали на штурвале. В такт подскокам на кочках покачивалась самодельная ЭМП-пушка, приваренная к стойке лобового стекла – клубок проводов, конденсаторов и медной спирали.

«Левее, на пять градусов! – крикнул он в микрофон, встроенный в шлем. – Вижу антенну!»

Впереди, в ложбине между двумя гигантскими дюнами, проступали контуры. Сначала похожие на мираж, затем все более четкие. Каркасы. Десятки, сотни стальных стоек, уходящих вдаль. Между ними – пустые прямоугольники, будто выбитые зубы. Это была солнечная ферма «Аль-Нур-7», некогда гордость эмира, снабжавшая энергией пол-эмирата. Теперь – брошенный скелет, памятник умершему изобилию. Большинство панелей были демонтированы законными властями еще год назад и отправлены на «архипелаги стабильности». Но кое-что осталось. То, что считали браком, не подлежащим транспортировке. Или просто не успели снять.

«Черт. Уже обгрызено, – проворчал в наушники голос Амины, его второго пилота и механика. Она вела второй багги. – Похоже, «Черные Пауки» уже были здесь.»

«Или местные шакалы, – отозвался Тарик. – Неважно. Мы берем то, что они не смогли унести. Включай сканер.»

Багги, сбавив скорость, поползли между рядами. Сканер на приборной панели Тарика пищал, выискивая редкие, не разбитые кристаллические панели под слоем песка. Солнце било в спину. Температура в тени машины за шестьдесят. Он вытер пот со лба. Мысли, как всегда, крутились вокруг цифр. Одна целая панель старого образца – пятьдесят энергокредитов на черном рынке Дубая. Десять панелей – уже билет на грузовое судно в Восточную Африку, где, говорят, еще можно дышать без фильтра. Двадцать – может, даже взятку пограничнику в австралийской зоне. Мечта.

«Тарик! Дрон!» – крик Амины был резким, как щелчок бича.

Из-за груды искореженного металла в небо взмыл небольшой квадрокоптер. Не рыночная игрушка, а военная модель с матовым корпусом и узкой камерой-глазом. Он завис на секунду, словно оценивая угрозу, затем с шипящим звуком развернул в их сторону ствол компактного шокера.

«Рассыпаться!» – скомандовал Тарик, бросая багги в сторону.

Выстрел. Синяя молния ударила в песок в метре от его колеса, оставив оплавленное стеклянное пятно. Дрон, жужжа, пошел в атаку.

«Амина, отвлекай! Юсеф, готовь «гром»!»

Второй багги с ревом рванул навстречу дрону, поднимая за собой плотную завесу песка. Автономный охранник на секунду потерял цель. Этого было достаточно. Из люка третьего багги высунулся Юсеф, самый молодой в банде, и навел на дрон увесистый цилиндр с растробом – акустическую пушку. Глухой, сокрушительный БА-ДУММ, не слышимый ухом, но ошущаемый всем телом, как удар в грудь, прошел по воздуху. Дрон дернулся, камера потухла, и он камнем рухнул в песок.

«Молодец! – крикнул Тарик. – Теперь быстро! У них тут целая сеть, другие уже летят!»

Они работали слаженно, как хищная стая. Багги Тарика и Амины сближались с рядами панелей, а Юсеф, выполняя роль стрелка и наблюдателя, кружил вокруг. Гидравлические клещи, сваренные из частей экскаватора, хватали полузасыпанные панели, с треском отрывая их от ржавых креплений. Грузили на прицепы. Песок, искры, лязг металла. Работа длилась минуты. Каждая секунда на счету.

«Тарик! В небе!» – Юсеф снова указал вверх.

На этот раз их было три. И летели они не с фермы, а с юга, со стороны черной полосы старого шоссе. И не простые дроны-охранники. Это были ударные «Стрекозы» – длинные, злые машины с поворотными турелями под стволы калибра 5.6 мм. На корпусе – стилизованная черная паутина.

«Черные Пауки», – выдохнул Тарик. Конкуренты. Хуже того – хитрые твари, которые, видимо, специально оставили дрона-приманку, чтобы вычислить, кто посмеет рыскать на их территории.

«Бросай груз! Уходим!» – приказал он.

«Но мы почти...»

«Бросай! Или мы станем грузом!»

Он рванул с места, его багги, сбросив прицеп с двумя драгоценными панелями, прыгнул через низкую насыпь. Сзади загрохотали выстрелы. Пули вздымали фонтанчики песка у самых колес Амины. Юсеф открыл ответный огонь из своей акустической пушки, но против скорострельных турелей это было бесполезно.

«В каньон! К «Сухому руслу»! – крикнул Тарик, сворачивая в сторону темной расселины между скалами. – Там они не пролетят!»

Погоня превратилась в безумные гонки по смерти. Багги, прыгая по камням и осыпям, ныряли в узкое ущелье. Дроны, жужжа, неслись следом, осыпая их свинцом. Одна пуля пробила крышу багги Юсефа с шипением – сквозное. К счастью, не задела никого.

«Тарик, они слишком быстрые!» – голос Амины срывался.

Тарик оглянулся. «Стрекозы» уже настигали. Он увидел на скале впереди знакомый выступ – остатки древней, еще до-нефтяной ирригационной системы. Рывком руля он бросил машину в почти вертикальный поворот, задев каркасом о скалу. Искры. Но он оказался прямо под выступом. Дрон, преследовавший его, не успел среагировать и врезался в каменную глыбу, разлетевшись на куски.

«Так! Еще двоих!»

Но выступ был только один. Две другие «Стрекозы», наученные гибелью сородича, зависли на входе в каньон, блокируя выход. Их турели медленно поворачивались, выцеливая.

«Засада, – прошептал Тарик. – Сидим в ловушке.»

Он заглушил двигатель. Тишина, нарушаемая лишь тихим жужжанием дронов и собственным стуком сердца. Песок медленно оседал на лобовое стекло. Он был в капкане. И его «золото» – те жалкие панели, что они успели погрузить, – лежало там, на песке у фермы. Бесполезно.

«Что будем делать, шеф?» – тихо спросил Юсеф по рации.

Тарик сжал штурвал. В его глазах, отражавших раскаленные скалы, горел не страх, а холодная, знакомая ярость. Ярость загнанного зверя. Ярость того, кому нечего терять, кроме призрачного шанса на спасение.

«Будем ждать, – сказал он. – Ночь близко. У них, наверное, садятся батареи. А у нас... у нас есть терпение. И ненависть.»

Он посмотрел на заходящее солнце, окрашивающее мир в кроваво-красные тона. Золото пустыни. Оно всегда было обманчивым. Манило блеском, а на поверку оказывалось холодным, беспощадным песком. Но другого золота у него не было. И он будет грызть эту пустыню, пока не отыщет свой шанс. Или не умрет.

СЦЕНА 2: ТЕНЬ ЭМИРА

Дворец эмира Халида ибн Рашида аль-Касими стоял на окраине мертвого города, как надгробие на заброшенном кладбище. Когда-то его белоснежные стены и купола из голубого стекла сияли под солнцем, видные за десятки километров. Теперь стекла были выбиты, затянута пыльной пленкой, а стены покрылись темными подтеками от редких, но яростных песчаных бурь. От великолепных садов остались лишь остовы засохших пальм и мраморные вазы, наполненные песком.

Внутри царила прохлада – последняя привилегия угасающей власти. Геотермальный насос, питавшийся от глубокой скважины, еще работал, но его гул был прерывистым, болезненным. Вместо кристальных люстр горели масляные лампы, отбрасывавшие дрожащие тени на стены, увешанные коврами и портретами предков в пышных одеждах.

Эмир Халид, завернутый в простой, но тончайший шерстяной бурнус, сидел в своем тронном зале на обычном кресле. Трон, массивный, золотой, давно лежал в подвале – слишком тяжелый, чтобы его можно было вывезти, и слишком яркий, чтобы не привлекать мародеров. Старик казался высохшей мумией. Кожа, похожая на пергамент, обтягивала острые скулы, а глаза, темные и не по-старчески живые, горели холодным, аналитическим огнем. Он не смотрел на пустой зал. Он смотрел на голограмму, плясавшую перед ним на низком столе. Это была карта. Не географическая. Энергетическая. Мир был раскрашен в три цвета: яркие точки и линии «архипелагов стабильности», серые зоны «контролируемого упадка» и огромные черные пятна «зоны бедствия». Его эмират был большим серым пятном с черными краями.

«Они все ушли, шейх, – тихий голос раздался из темноты. Это был Надим, его визирь, секретарь и, по сути, последний верный слуга. – Совет племен... они приняли «покровительство» южного энергокартеля. Говорят, нам дадут квоту на синтетическое горючее для генераторов и... защиту.»

«Защиту от кого? От таких же, как они? – голос эмира был сухим шелестом, но в нем чувствовалась стальная жила. – Они продали тень за обещание тени. Глупцы. Будущее не в синтетике. И не в солнечных панелях, которые через год засыплет песком.»

Он ткнул иссохшим пальцем в голограмму. В точку в Северной Европе.

«Будущее там. В синтезе. В укрощении звезды. И тот, кто получит его первым... станет новым султаном. Новым халифом. Не над кучкой бедуинов у колодца. Над миром.»

Надим склонил голову.

«Но «Проект «Прилив»... это слухи, шейх. Сказки для отчаявшихся.»

«Слухи, подтвержденные перехватом данных с низкоорбитального спутника, который я... приобрел у одного русского офицера за три бочки лучшего оманского ладана, – эмир усмехнулся, и это было похоже на скрип старого дерева. – Они близки. Им не хватает одного – стабильных сверхпроводников для магнитных ловушек. Без этого их реактор – просто дорогая игрушка.»

Он сделал жест, и голограмма сменилась. Теперь это было лицо. Не арабское. Европейское. Неряшливое, испуганное, с умными, бегающими глазами.

«Элиас Финкель. Главный материаловед Европейского термоядерного консорциума. Бежал три месяца назад, прихватив с собой не данные, а... ключ. Криптографический ключ от сервера, где данные хранятся. Он считает, что его открытие слишком опасно, чтобы принадлежать кому-то одному. Романтик. Идиот.»

«Где он?»

«Где-то здесь, – эмир обвел рукой серую зону на карте. – Блуждает. Прячется. Его ищут все: и старый консорциум, и новые корпорации. Но он боится больших игроков. Ищет... непохожих на них. Диких. Независимых. Таких, которым можно предложить не деньги, которых нет, а шанс.»

Эмир посмотрел на Надима.

«Найди мне «Солнечных гиен». Ту банду, что грабит мои старые фермы. Их главаря.»

«Тарик аль-Джассим? Но он... мусор, шейх. Вор.»

«Он – хищник, выживающий в пустыне. У него нет хозяина, кроме собственного голода. Такому можно предложить сделку, которую он поймет. Найди его. И передай: я дам ему не энергию. Я дам ему будущее. Место под новым солнцем. В обмен на одного запуганного ученого.»

Надим заколебался.

«А если он откажется? Или предаст?»

Темные глаза эмира сузились.

«Тогда мы напомним ему, что пустыня принадлежит не гиенам. Она принадлежит тому, кто знает, где спрятаны колодцы. И кто может их отравить. Иди. Ищи. У нас мало времени. Пока он не попал в лапы к «Черным Паукам» или, что хуже, к людям Фогеля из Европы.»

Надим поклонился и растворился в темноте.

Эмир Халид остался один. Он снова посмотрел на голограмму мира, на чернеющие пятна. Его рука дрогнула и потянулась к массивному перстню на безымянном пальце – фамильной реликвии, печати власти. Он сжал его так, что костяшки побелели.

Он был тенью. Тенью империи, построенной на нефти. Но тени долговечнее тел. И если нельзя владеть источником силы, можно владеть ключом к нему. А ключом сейчас был не ресурс, не технология. Информация. И один перепуганный гений, бредущий по его пустыне.

Он погасил голограмму. В зале остались лишь прыгающие тени от масляных ламп. И тихий, непрекращающийся скрежет песка за стенами, который рано или поздно поглотит и этот дворец, и его самого. Но до этого он успеет бросить свою последнюю, отчаянную ставку на доске нового мира.

СЦЕНА 3: КОДЕКС ПУСТЫНИ

Тарик ненавидел ждать. Ожидание разъедало нервы, позволяло страху и сомнениям проникать в сознание. Но он умел ждать. Этому научила пустыня. Она была величайшим мастером терпения.

Они просидели в каньоне до глубокой ночи. Дроны «Черных Пауков», исчерпав заряд, улетели на базу, оставив на скалах одного наблюдателя с пассивными сенсорами. Тарик и его люди использовали это время, чтобы залатать пробоины, зарядить батареи от портативных гибких панелей и высушить промокший от пота песок в одежде.

Они молча жевали пресные питательные батончики – пайки из гуманитарной помощи десятилетней давности. Вода была на счету – по несколько глотков на каждого.

«Шеф, – тихо сказала Амина, сидя рядом с ним на камне и глядя на звезды, такие яркие в отсутствии городской засветки. – Мы не можем так дальше. «Пауки» теперь знают наши методы. Они будут ставить ловушки.»

«Знаю, – буркнул Тарик. – Нужно уходить дальше на север. К Красному морю. Там, говорят, еще ходят контрабандисты.»

«На чем? На этих панелях? Мы сегодня чуть не легли костями за две штуки.»

«А что предлагаешь? Сдаться «Паукам»? Работать на них за миску синтетической каши?»

Амина промолчала. Ответа не было.

Внезапно на периферии зрения Тарик заметил движение. Не в небе. На земле. Тень отделилась от скалы и бесшумно двинулась к ним. Его рука мгновенно схватила пистолет, снятый с того самого сбитого дрона.

«Не стреляйте, – тихий, спокойный голос раздался из темноты. – Я один. И пришел с предложением.»

Из тени вышел высокий, худощавый мужчина в темном бедуинском одеянии. Это был Надим. В руках у него не было оружия, только посох.

«Кто ты?» – рыкнул Тарик, не опуская пистолет.

«Глаза и уши того, кто еще помнит ваше имя, Тарик аль-Джассим. И кто ценит смелость «Солнечных гиен».»

«Эмир? – фыркнул Тарик. – Он послал тебя, чтобы отобрать последнее? Скажи ему, пусть сам придет. Посмотрим, как он будет драться.»

«Шейх не собирается с вами драться. Он предлагает союз. Работу. Плату, о которой вы не смели мечтать.»

Тарик рассмеялся, коротко и зло.

«Плату? В энергокредитах? У него, у того, чей дворец разваливается?»

«Не в кредитах, – Надим сделал шаг ближе, и в его глазах отразился свет звезд. – В будущем. Месте. Гарантии. Вы ведь хотите выбраться отсюда? В место, где есть чистая вода, еда, свет и воздух, который не нужно фильтровать?»

Тарик насторожился. Это попадало в цель.

«Что нужно сделать?»

«Найти человека. И доставить его шейху. Живым и невредимым.»

«Какого человека?»

«Ученого. Европейца. Он прячется где-то в пустыне к западу от Рувайса. Он... ценный.»

«Ценный для кого?»

«Для того, кто даст вам пропуск в новый мир.»

Тарик обменялся взглядами с Аминой. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но и слишком заманчиво, чтобы отказаться сразу.

«А если он не захочет идти?»

«Убедите его. Шейх предоставит вам все необходимое: координаты последнего известного места, информацию, топливо для багги, даже оружие, если понадобится. И... аванс.»

Надим вынул из складок одежды небольшой, тяжелый мешочек и бросил его к ногам Тарика. Тот, не спуская с гостя глаз, наклонился, развязал шнурок. Внутри лежали не монеты. Десять небольших, но идеально чистых литиевых аккумуляторных ячеек. Цена каждой на черном рынке – год жизни в относительном комфорте.

«Это всего лишь знак доброй воли, – сказал Надим. – Остальное – когда доставите товар.»

«Почему мы? – спросила вдруг Амина. – У эмира, даже такого, наверняка есть люди получше нас.»

«Потому что вы не его люди. Вы – дикие. Независимые. Ученый боится больших организаций. К вам, возможно, он отнесется с меньшим подозрением. И потому что... вы знаете пустыню. Как никто другой.»

Тарик перекаладывал в руке тяжелые ячейки. Искушение было огромным. Но и опасность – тоже. Ученый, за которым охотятся... это не просто добыча. Это мина.

«А если за ним охотятся другие? «Черные Пауки», например?»

«Тем больше причин спешить, – холодно заметил Надим. – «Пауки» работают на южный картель. Если он достанется им... ваш шанс на будущее испарится навсегда. Думайте. Но думайте быстро. Пустыня не ждет. И ученый – тоже.»

Он повернулся, чтобы уйти.

«Жди! – крикнул ему вслед Тарик. – Как мы найдем этого... европейца?»

«Он будет там, где есть тень и хоть какая-то защита от солнца. И, возможно, где есть признаки старых технологий. Он ищет способ передать свои данные в безопасное место. Ищите аномалии. Радиопомехи. Слабые сигналы. Удаchi, «гиены». Шейх ждет.»

Надим растворился в ночи так же бесшумно, как и появился.

Тарик посмотрел на аккумуляторы в своей руке, затем на своих людей.

«Что скажете?»

«Пахнет большими неприятностями, – сказал Юсеф. – Но и большими деньгами.»

«Это не деньги, – поправила Амина. – Это билет.»

«Билет в один конец, если ошибешься, – мрачно заметил Тарик. Но в его глазах уже горел азарт охотника. Новый вызов. Не грабить брошенные фермы, а выследить живую, ценную добычу. Это была игра высшей лиги. – Ладно. Решаем. Берёмся.»

Они сели в багги и на малой скорости, без огней, выбрались из каньона. Теперь у них была цель. И «аванс». Этого хватило бы, чтобы добраться до указанного района и развернуть поиск.

Двигаясь на запад, они наткнулись на следы еще до рассвета. Не человеческие. Следы багги. Не их модели. Более тяжелые, с широкой колеей. И свежие. Не старше суток.

«Кто-то уже здесь, – прошептал Тарик, заглушив двигатель. – И явно не с туристическими целями.»

Они пошли по следам пешком. Следы привели их к низкому, разрушенному куполу – вероятно, остаткам метеостанции или маленькой лаборатории времен Первой нефтяной лихорадки. И там, среди обломков, они нашли его.

Европеец сидел, прислонившись к стене, в тени от купола. Рядом валялся рюкзак, из которого торчали провода и части какого-то устройства. Он был немолод, с всклокоченными седыми волосами и бородой. На лице – маска усталости и паранойи. Но когда он увидел Тарика и Амину, его глаза не выразили страха. Скорее... обреченное любопытство.

«Наконец-то, – хрипло сказал он на ломаном арабском. – Я думал, вы приедете на вертолете. Или на дронах. Вы... из картеля?»

Тарик обменялся взглядом с Аминой. Ученый принял их за кого-то другого. За тех, от кого бежал. Это можно было использовать.

«Мы... гиды, – сказал Тарик, выбирая слова. – Нас прислали, чтобы помочь тебе. Провести в безопасное место.»

Ученый – Элиас Финкель – скептически прищурился.

«Безопасное место? Такое где? В Сирии? Или, может, в подземном бункере Фогеля в Альпах? Нет, спасибо. Я никуда с вами не пойду. Данные уничтожены.»

Он солгал. Тарик видел это по тому, как его пальцы судорожно сжали край рюкзака.

«Нам не нужны твои данные, – сказала Амина мягко, опускаясь на корточки перед ним. – Нам нужен ты. Ты можешь помочь многим.»

«Я уже помог! – голос Элиаса сорвался. – Я создал ключ к синтезу! И все, что из этого вышло – гонка вооружений, шпионаж, попытки украсть! Нет! Лучше я умру здесь, в пустыне, чем отдам свою работу палачам!»

Тарик вздохнул. Романтик. Идеалист. Самый трудный тип для сделки. С ним нельзя говорить на языке силы или денег.

«А если мы предложим тебе не отдавать работу? – сказал Тарик. – А продолжить ее? В месте, где не будет ни картелей, ни Фогелей. Где ты сможешь делать то, что считаешь нужным. Чтобы помочь. По-настоящему.»

Элиас поднял на него глаза.

«Вы... вы знаете о «Приливе»?»

Словно электрический разряд прошел между ними. Тарик не знал подробностей, но это слово он слышал от Надима. Он кивнул, делая вид, что осведомлен.

«Мы можем тебя туда доставить. Это наша цена за твою помощь.»

Элиас колебался. Надежда и подозрение боролись в его взгляде.

В этот момент с востока донесся отдаленный, но знакомый гул. Жужжание. Не одно. Несколько.

«Дроны, – выдохнула Амина, вскакивая. – «Черные Пауки». Они нашли нас.»

Элиас побледнел.

«Это из-за меня...»

«Неважно, – отрезал Тарик. – Теперь ты с нами. Решай. Или идешь с нами и получаешь шанс. Или остаешься здесь, и они заберут тебя, а данные – кто знает, куда они попадут. Может, действительно, к палачам.»

Гул нарастал. В небе уже можно было различить черные точки.

Элиас посмотрел на свой рюкзак, потом на Тарика. В его глазах мелькнуло отчаяние, а затем – решимость.

«Ладно. Но не к эмиру. К «Приливу». Вы обещали.»

«Обещали, – сказал Тарик, хватая его под руку и поднимая. – Амина, грузим его вещи. Юсеф, готовь багги к быстрому старту. Нам нужно теряться. Сейчас!»

Они побежали к своим машинам, спрятанным за скалами. Элиас, неуклюжий и непривычный к бегу по песку, спотыкался, но Тарик почти волок его за собой. Они втиснули ученого в багги, рванули с места как раз в тот момент, когда первые дроны вынырнули из-за гребня дюны и открыли огонь.

Началась погоня. Но теперь у Тарика была не просто добыча. У него был пассажир. И ключ к чему-то такому большому, что его разум отказывался это осознать. Он гнал багги на пределе, уворачиваясь от трассеров, петляя между скалами. В голове крутилась одна мысль: он больше не просто гиена, роющаяся в отбросах. Он стал игроком. И ставки внезапно выросли до небес.

СЦЕНА 4: ПОГОНЯ ПОД ДВУМЯ СОЛНЦАМИ

Рассвет в пустыне наступает стремительно. Одна минута – мир тонет в индиговой тьме, усыпанной звездами. Следующая – восток полыхнет кроваво-красным, и длинные тени побегут от каждого камня, будто земля рождает призраков. А еще через полчаса уже висит ослепительное, безжалостное солнце, первое солнце пустыни.

Второе солнце преследовало их с востока. Это были «Черные Пауки». Не три дрона, как в первый раз. Целая стая. Шесть, семь машин, рассыпавшихся веером, чтобы охватить их с флангов. Они летели низко, используя рельеф для маскировки, их жужжание сливалось в зловещий хор.

Тарик вел свой багги по сухому руслу реки, где было больше тени и укрытий. Амина и Юсеф следовали за ним. Элиас, пристегнутый ремнями на пассажирском сиденье, молчал, закрыв глаза, его пальцы впились в поручень.

«Они пытаются зайти спереди! – крикнула Амина по радиации. – Двое отделились, летят по параллельному руслу!»

«Вижу! – Тарик рванул руль вправо, выскочил из русла на открытый склон. Песок летел из-под колес. Пули прошили воздух там, где они были секунду назад. – Юсеф, можешь достать их своей штукой?»

«Слишком далеко и быстро! – доложил Юсеф. – Нужно сблизиться или заманить в узкое место!»

Узкого места не было. Впереди расстилалась бескрайняя равнина, усеянная лишь редкими, низкими холмами. Идеальная стрельбище для дронов.

«Амина, план «Песчаный дьявол»! – скомандовал Тарик. – На счет три! Раз!..»

Он резко затормозил, развернув багги почти на месте. Амина, ехавшая сзади, проскочила мимо. Юсеф свернул в сторону. Дроны, следовавшие за ними, на секунду смешались, потеряв приоритетную цель.

«Два!..»

Тарик рванул с места не вперед, а навстречу одному из дронов, летевшему с фланга. Безумие. Дрон, управляемый ИИ или оператором, не ожидал такой наглости. Он попытался увернуться, но Тарик, не сбавляя скорости, направил багги прямо под него.

«Три!»

В последний момент он дернул рычаг, активировав аварийные воздушные клапаны в задних крыльях. Струи сжатого воздуха ударили в песок, подняв внезапную, плотную завесу прямо перед дроном. Автопилот среагировал замедлением и набором высоты, чтобы избежать столкновения с землей. И оказался прямо на линии огня Юсефа.

Глухой удар акустической пушки. Дрон содрогнулся и, потеряв управление, врезался в холм.

«Один! – крикнул Юсеф. – Но другие уже...»

Остальные дроны, наученные, не лезли в лоб. Они взяли высоту и начали пикировать на них по очереди, ведя прицельный огонь. Пули забарабанили по бронированным панелям багги Тарика. Одна пробила радиатор. Из-под капота повалил едкий пар.

«Поврежден! – крикнул Тарик, чувствуя, как машина теряет мощность. – Теряем ход!»

«Тарик, прыгай! – завопила Амина. – Мы подберем!»

«Не успеете! Берите ученого и уезжайте! Выполняйте контракт!»

Элиас, услышав это, открыл глаза. Он видел, как Тарик, сжав зубы, пытается удержать поврежденную машину на курсе, чтобы отвлечь дроны. Видел, как Амина, с лицом, искаженным яростью, разворачивается, чтобы идти на таран. И в этот момент в нем что-то перешелкнуло.

Он не был героем. Он был трусом. Он всю жизнь боялся – начальства, ответственности, последствий своих открытий. И из-за этого бежал, прятался, обрек себя на смерть в пустыне. А эти люди... эти дикари, грабители... они дрались за него. И один из них был готов погибнуть, чтобы он, Элиас, сбежал.

«Нет! – выкрикнул он не своим голосом. – Остановите! Я... я отдам им данные! Пусть берут! Только остановите это!»

Он потянулся к своему рюкзаку, к спрятанному в потайном отделении миниатюрному твердотельному диску. Это был ключ. Криптографический ключ от сервера в Цюрихе, где хранились все его исследования по метастабильным сверхпроводникам. Отдав его, он отдавал все.

«Закрой рот и держись! – рявкнул Тарик, даже не обернувшись. – Ты – мое золото! А я своего не сдаю!»

Элиас замер, пораженный. Никто никогда не говорил о нем в таких терминах. «Золото». Не инструмент, не угроза, не гений. Ценность.

Тарик, увидев, что дрон заходит на очередное пикирование, сделал последнее, что мог. Он вывернул руль до упора и нажал на странную, красную кнопку на панели, которую никогда не использовал. Это была система аварийного охлаждения двигателя, заимствованная у старого пожарного робота. Из сопел под днищем ударили струи жидкого азота (последний запас, хранившийся для экстренных случаев). На земле вокруг багги мгновенно выросла стена густого,

белого тумана. Дрон, залетевший в это облако, на секунду ослеп. Его камеры покрылись инеем. Он рванул вверх, прочь из холодной пелены.

В этот момент Амина, проскочив сбоку, выстрелила из своей ЭМП-пушки. Заряд был слабым, но попал точно в корпус дрона. Электроника заискрилась, и он, беспомощно кувыряясь, упал.

Но оставалось еще четыре. И пары жидкого азота хватило на один залп.

«Кончилось! – крикнул Тарик. – Все, игра...»

Гул дронов вдруг изменился. Стал прерывистым, тревожным. Они один за другим начали разворачиваться и уходить на восток, набирая скорость.

«Что... что происходит?» – выдохнула Амина, подъезжая к дымящемуся багги Тарика.

Тарик, вытирая кровь с рассеченной брови о скатанный рукав, выглянул из облака пара. Он посмотрел на восток. Там, на горизонте, над местом, откуда прилетели дроны, поднимался высокий столб черного дыма. Что-то горело. Что-то важное. Их база? Или просто отвлекающий маневр?

Неважно. Они выжили.

«Вы... вы идиоты, – прошептал Элиас, вылезая из багги на дрожащих ногах. – Вы могли погибнуть.»

«Такова работа, профессор, – хрипло усмехнулся Тарик, вылезая из своей покалеченной машины. – Мы гиены. Мы не бросаем добычу. Особенно когда за нее обещали пропуск в рай.»

Он посмотрел на дым на горизонте, потом на Элиаса.

«Но, кажется, игра только начинается. Кто-то еще охотится за тобой. И этот кто-то только что спас нам жизни, поджарив «Пауков». Интересно, кто?»

Элиас побледнел еще больше. Он понял: его маленькое путешествие по пустыне только что превратилось в войну за его голову. И у него не было выбора. Теперь его судьба была связана с этими «гиенами». Хотели они того или нет.

СЦЕНА 5: ПРЕДАТЕЛЬСТВО В ОАЗИСЕ

Оазис Аль-Вахат когда-то был курортом для богатых нефтяных шейхов. Искусственное озеро, пальмы, привезенные со всего света, беседки из белого мрамора. Теперь озеро было лужей зловонной, соленой воды, пальмы – сухими скелетами, а мрамор треснул и почернел. Но в главном здании, стилизованном под древний форт, еще сохранялась прохлада и тень. Эмир Халид выбрал это место для встречи. Символично. Последний оазис в его царстве.

Тарик привез Элиаса сюда на следующее утро. На багги Амины. Его собственная машина была брошена в пустыне – восстановлению не подлежала. Он вел ученого через пустынный двор, мимо засыпанных песком фонтанов. Элиас шел, озираясь, как мышь в лабиринте. Он не доверял. И был прав.

В тронном зале, вернее, в том, что от него осталось, эмир ждал их, сидя на простом походном стуле. Надим стоял позади, непроницаемый, как статуя.

«Тарик аль-Джассим, – приветствовал его эмир. Его голос звучал слабее, чем в голограмме. – Я слышал, вы столкнулись с неприятностями.»

«Решаемыми, – коротко бросил Тарик. – Вот ваш ученый. Жив, как и договаривались.»

Эмир перевел свой взгляд на Элиаса. Тот съезжился под этим пронизательным, холодным взглядом.

«Доктор Финкель. Мы многого ждем от нашего сотрудничества.»

«Я... я не соглашался ни на какое сотрудничество, – попытался возразить Элиас. – Меня привезли сюда под предлогом доставки к «Приливу».»

««Прилив»? – Эмир бровь не дрогнула. – Интересное название. Но у нас с вами другие планы. Ваши исследования по сверхпроводникам помогут не мечтателям в Арктике, а нам здесь. Мы построим свой реактор. Здесь, в пустыне. И станем новым центром мира.»

Элиас покачал головой.

«Вы ничего не постройте. У вас нет инфраструктуры, нет команды, нет... честности. Вы хотите силу. Так же, как и все. Нет. Я не отдам вам ключ.»

«Ключ? – Эмир усмехнулся. – Мой дорогой доктор. Мы уже получили ключ. Из вашего рюкзака. Пока вы отдыхали в пути.»

Элиас метнулся к своему рюкзаку, который нес Надим. Он выхватил его, расстегнул... Потайное отделение было пусто. Диска не было.

«Вы... воры!»

«Мы – реалисты, – поправил эмир. – Вы принесли нам то, за что платили. И теперь получите свою награду. Надим?»

Надим шагнул вперед и протянул Тарику небольшой планшет.

«Координаты. И цифровой пропуск. Гарантированное место в поселении «Новая Аделаида» в австралийской зоне. Все, как договаривались.»

Тарик взял планшет. Его пальцы сомкнулись на холодном пластике. Он посмотрел на Элиаса. Ученый стоял, опустив голову, разбитый. Он снова стал нищим. Его ценность украли. Тарик почувствовал странный укол. Не жалости. Нет. Принципа. С ним поступили нечестно. Использовали. И он стал соучастником этого.

«А ученый? – спросил он, глядя на эмира. – Что с ним?»

«Он останется с нами. Как почетный гость. Пока не поможет расшифровать и применить данные. А потом... посмотрим. Возможно, ему тоже найдется место в новом мире.»

Тарик знал, что это значит. Плен. Рабство. Или смерть, когда перестанет быть полезным.

Он посмотрел на Элиаса. Тот поднял на него глаза. И в этом взгляде не было упрека. Было понимание. Он знал правила игры. Он проиграл.

«Хорошо, – сказал Тарик, опуская планшет в карман. – Контракт исполнен. Мы уходим.»

«Мудрое решение, – кивнул эмир. – Пустыня будет скучать по своим «гиенам». Но у вас теперь есть будущее. Ступайте.»

Тарик развернулся и вышел из зала. Амина и Юсеф ждали его у багги.

«Все получил? – спросила Амина. – Мы свободны?»

«Получил, – сказал Тарик. – Но что-то не так.»

«Что?»

«Они слишком легко нас отпустили. И слишком легко получили то, что хотели.»

«Ты о чем? Они получили диск.»

«Диск... – Тарик задумался. Вспомнил панику Элиаса в погоне. Его готовность отдать все, чтобы спасти их. Ученый не был дураком. Если бы ключ был так важен... разве он стал бы носить его с собой в рюкзаке? Разве не спрятал бы лучше? Или...»

И тут его осенило. Он вытащил планшет, который дал Надим. Включил. Пропуск выглядел настоящим. Координаты – тоже. Но что, если...

«Юсеф, твой сканер. Проверь этот диск на предмет... я не знаю, скрытых сигналов, шифров.»

«Шеф, у нас нет времени! Мы должны уезжать, пока они не передумали!»

«Проверь!»

Юсеф, пожав плечами, взял планшет, подключил к нему свой мультитул. Через минуту он нахмурился.

«Странно... здесь, в служебных данных пропуска, есть повторяющийся цикл. Как маячок. И... стоп. Это же...»

«Что?»

«Это же стандартный трекер «Черных Пауков». Тот самый, что мы снимали с их дронов. Только замаскированный.»

Тарик похолодел. Значит, пропуск – метка. Их хотят отследить. Или привести напрямик в засаду. «Новая Аделаида» была ложью. Наградой была пуля в спину, как только они перестанут быть полезны.

И диск... если диск поддельный или пустой... значит, эмир все еще не получил того, что хотел. А ученый... ученый что-то задумал.

«Назад, – тихо сказал Тарик. – В зал. Быстро.»

«Ты с ума сошел! Они нас пристрелят!»

«Они пристрелят нас в любом случае, но позже. Сейчас у нас есть шанс. Идем!»

Они бросились обратно. Охранники у входа, удивленные их возвращением, не успели среагировать. Тарик ворвался в зал как раз в тот момент, когда Надим с пистолетом в руке стоял над Элиасом, прижавшимся к стене.

«Остановитесь! – крикнул Тарик. – Игра раскрыта. Пропуск – метка. Диск, я думаю, тоже фальшивка. Вы ничего не получили.»

Эмир медленно повернул к нему голову. На его лице не было ни удивления, ни злости. Была... усталая ярость.

«Гиена оказалась умнее, чем я думал. Жаль. Надим.»

Надим двинулся к Тарику, но Амина уже выхватила пистолет. Юсеф стоял в дверях, блокируя выход охранникам.

«Отдайте ученого и настоящие данные, – сказал Тарик. – И мы уйдем. Вы даже не вспомните о нас.»

«Настоящие данные? – эмир вдруг рассмеялся, сухим, надрывным кашлем. – Их нет! Их не существует!»

Все замерли.

«Что?» – выдохнул Элиас.

«Ваш ключ, доктор, ведет в никуда. Сервер в Цюрихе был стерт хакерской атакой полгода назад. Все ваши исследования... прах. Мы охотились за призраком.»

Элиас побледнел как смерть.

«Нет... не может быть... я копировал... резервные копии...»

«Уничтожены. Вашими же «друзьями» из «Рассвета», которые считали вашу работу слишком опасной. Вы остались с ничего. Как и я.»

Тарик смотрел то на эмира, то на ученого. Вся эта погоня, стрельба, риск... все это было за пустышку? За иллюзию?

«Тогда... зачем все это? Зачем нам этот фарс?»

«Потому что я отчаялся! – крикнул эмир, и в его голосе впервые прорвалась неподдельная, жгучая боль. – Я видел, как все рушится! Моя империя, мой мир! Я хотел ухватиться за любую соломинку! А вы... вы были инструментом. Чтобы заманить сюда доктора. Потому что если нет данных... значит, ценность – он сам. Его мозг. Его знания. И он останется здесь, и будет работать, пока не воссоздаст все заново! Или не умрет!»

В зале воцарилась гробовая тишина. Правда была уродливее любой лжи.

Элиас первым нарушил молчание. Он выпрямился. Его глаза, полные отчаяния минуту назад, теперь горели странным, чистым огнем.

«Вы ошибаетесь, шейх. Данные не уничтожены.»

«Что?»

«Я... я не доверял цифре. Я старой закалки. – Элиас медленно расстегнул ворот своей запыленной рубашки и вытащил на шнурке не диск, а маленький, плоский кристалл. Голографическую память старого типа. – Все здесь. В аналоговой форме. Вся моя жизнь. Я не отдал его вашим людям. Я отдал пустышку.»

Эмир смотрел на кристалл, и в его глазах вспыхнула дикая, хищная надежда.

«Отдайте!»

«Нет, – просто сказал Элиас. – Потому что вы правы в одном. Ценность – не в данных. А во мне. В том, что у меня в голове. И я решил, кому это достанется. – Он посмотрел на Тарика. – Тем, кто не бросил свою «добычу» под пулями. Тем, кто спас меня, даже не зная, что я ценен. Им. Они отвезут меня туда, куда нужно. К «Приливу».»

«Вы не выйдете отсюда живым! – прошипел эмир. – Надим!»

Но Надим не двигался. Он смотрел на кристалл в руках Элиаса, потом на исхудавшее, но полное решимости лицо своего господина. И что-то в нем надломилось. Он медленно опустил пистолет.

«Шейх... достаточно. Мы проиграли. Еще до начала игры.»

«Ты... предатель!»

«Нет. Я служил вам до конца. Но этот конец наступил. Отпустите их. Сохраните хоть тень достоинства.»

Эмир Халид замер. Он смотрел на верного слугу, на грабителя с горящими глазами, на ученого, сжимающего свое «сердце» в руке. Вся его хитрость, могущество, вековые интриги рассыпались в прах перед простой, дикой честью и упрямством. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

«Убирайтесь. Пока я не передумал и не приказал закопать вас всех в песке.»

Тарик кивнул Амине. Та взяла Элиаса под руку и повела к выходу. Юсеф расчищал путь. Тарик шел последним, не спуская глаз с эмира и Надима.

На пороге он обернулся.

«Эмир. Вы сказали, охота была за призраком. Может быть. Но иногда призраки – это все, что у нас есть. Прощайте.»

Они вышли в ослепительное солнце. Их багги ждал. Они уехали из оазиса, оставив позади дворец-гробницу и сломленного старца, который проиграл будущее, так и не поняв его правил.

Когда они были уже далеко, Элиас, сидя на заднем сиденье, спросил:

«Куда теперь? Вы ведь действительно отвезете меня к «Приливу»?»

Тарик, глядя на бескрайнюю песчаную даль, улыбнулся. Впервые за долгое время – не зло, а с каким-то странным облегчением.

«Куда же еще, профессор? У нас же контракт. И, кажется, мы только что перешли из разряда гиен в... кого-то получше. Интересно, что там, на этом вашем «Приливе»?»

«Надежда, – тихо сказал Элиас, сжимая в руке кристалл. – Последняя надежда.»

Тарик кивнул и нажал на газ. Пустыня принимала их обратно, но теперь они везли не награбленное «золото», а нечто гораздо более ценное. И гораздо более опасное.

ГЛАВА 3: «УГЛЕРОДНЫЕ КОПИИ»

СЦЕНА 1: ГОРОД КОПОТИ

Воздух в «Коптильне-17» имел вкус. Сначала – едкой гари, потом – кислого металла, и, наконец, на языке оседало что-то сладковато-приторное, словно пережженный сахар. Это был вкус синтетики. Топлива, которое варили из угольной пыли, городского мусора и отходов химического производства. Топлива, которое кормило, грело и убивало город.

Артем Волков поднял воротник кожанки против ледяного ветра, шедшего с промерзших просторов бывшего Мичигана. Он шел по Центральной магистрали – широкой, полупустой улице, уставленной трубами. Они тянулись над тротуарами, как артерии гигантского механического зверя, сшитого из ржавой стали и отчаяния. По ним, с глухим гулом и периодическими плевками черного дыма, текло тепло от «Карбон-Синтеза» к блокам жилых модулей. Тепло было роскошью. Чистый воздух – нет.

Артем поднял голову. Над городом висело вечное, матовое одеяло смога. Иногда, в редкие дни, когда ветер дул с Великих озер, можно было разглядеть бледное пятно солнца. Сегодня солнца не было. Был только оранжевый, унылый свет уличных фонарей на метанольных элементах, заживавшихся даже днем.

Он проходил мимо «Клуба Дизеля» – одного из немногих мест, где еще лилось пиво, сваренное из гидропонного ячменя и патоки синтетического производства. Оттуда доносились хриплые голоса и музыка, тяжелая, как удар поршня. Над входом висела неоновая вывеска, мигающая неровно: «ТОПЛИВО ДЛЯ ДУШИ». Ирония была настолько горькой, что ее не замечали.

Артем свернул в переулок, где запах гари слабел, уступая место вони немых тел и вареной репы. Здесь ютились те, кому не хватило места в модулях, – в палатках, сараях из обломков, даже в старых, намертво вмерзших в землю грузовиках. Он прошел мимо, не глядя. Смотреть было больно. Эти люди работали на его заводе. Дышали тем, что он производил. И он был одним из немногих, кто мог хоть как-то улучшить их жизнь. Дав им работу. Проклинал себя за то, чем была эта работа.

Ворота завода «Карбон-Синтез» были чудом инженерной мысли и уродства. Массивные створки из бронированной стали, утыканые камерами и датчиками, охранялись не людьми, а автономными турелями. Над проходом для персонала висел транспарант, давно выцветший: «ЭНЕРГИЯ ВО ИМЯ ЖИЗНИ. СИНТЕЗ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО». Ниже, свежей краской, кто-то нацарапал: «БУДУЩЕГО НЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО ДЫМ».

Артем приложил ладонь к сканеру, взгляделся в радужную оболочку. Турникет щелкнул. За ним – еще один коридор, чище, с работающими рециркуляторами воздуха. Здесь пахло уже не гарью, а озоном, маслом и напряженной тишиной машинного зала.

Директор завода, бывший менеджер по продажам, а ныне чиновник Евроэнергокомиссии, встретил его в своем кабинете с панорамным (и герметичным) окном, выходящим на главный реактор.

«Волков. Садитесь. У нас проблемы.»

«Какие еще?» – Артем не сел. Он знал эту игру.

«Нейросеть Парижа. Прислала директиву. С завтрашнего дня – снижение объема производства на сорок процентов.»

Артем почувствовал, как что-то холодное сжимается у него в груди.

«На каком основании? Мы выполняем план. Город держится.»

«Основание – баланс общей энергосети Северо-Восточного сектора. Ваш завод – самый «грязный» узел. ИИИ считает, что выбросы перевешивают пользу. Сорок процентов. Иначе – полное отключение от центральной сети и штрафные санкции.»

Артем ударил кулаком по столу. Бумаги подпрыгнули.

«Это смертный приговор! Полгорода замерзнет! Люди...»

«Людей переселят в южные лагеря, – холодно парировал директор. – Это экономически эффективнее, чем содержать этот... полюс загрязнения.»

«Это мой город! Мои люди!»

«Это зона ответственности Комиссариата, Волков. Ваша задача – выполнить приказ. Или вас заменят тем, кто выполнит. Ваш выбор.»

Артем смотрел на него, на его выхоленное, сытое лицо человека, который приезжал сюда на бронированном электромобиле из чистого сектора и даже не дышал местным воздухом. Этот человек не понимал. Не чувствовал гула турбин под ногами. Не знал лиц тех, чьи жизни зависели от этого гула.

«Я не могу, – тихо сказал Артем. – Я найду способ обойти. Модернизировать фильтры, перераспределить нагрузку...»

«У вас нет на это ни ресурсов, ни времени. Приказ вступает в силу завтра в 06:00. Ваше решение, главный инженер. Либо вы – герой, который спасет город, сократив его. Либо вы – бунтовщик. И мы знаем, как поступать с бунтовщиками.»

Артем развернулся и вышел, хлопнув дверью. Он шел по коридору, и стены, казалось, сжимались вокруг него. Он должен был выбирать между гибелью города и приказом машины, которая видела только цифры. Между долгом и человечностью.

А дома его ждала другая война.

СЦЕНА 2: ПРИКАЗ ИИ

Квартира Артема в инженерном модуле была островком относительного комфорта в море упадка. Герметичные окна, мощные фильтры, своя скважина с водой (правда, с повышенным содержанием тяжелых металлов). На столе в гостиной стояла фотография: он, моложе, улыбающийся, и маленькая Алиса на его плечах. На заднем плане – еще зеленеющий парк. Десять лет назад.

Сейчас Алисе было девятнадцать. Она сидела на диване, уткнувшись в светящийся экран планшета, на котором бежали строки кода. Ее волосы, когда-то светлые, как у матери, были выкрашены в грязно-зеленый – цвет протеста, цвет «Чистых». На стене над ее кроватью висел постер с символом движения: стилизованный белый лист на черном фоне. И лозунг: «ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ – НЕ ПРИВИЛЕГИЯ, А ПРАВО».

Она не взглянула на отца, когда он вошел.

«Привет, – сказал Артем, снимая кожанку. – Как дела?»

«Отлично. Готовлю мирную акцию протеста. Хочешь присоединиться? Или будешь, как всегда, варить свою адскую похлебку?»

Артем вздохнул. Этот разговор повторялся каждый день.

«Алиса, без этой «похлебки» ты бы сейчас не сидела в теплой квартире с работающим интернетом.»

«Да? А сколько людей сидят в холоде и чахотке из-за твоей «похлебки»? Ты считал? Или тебе важны только графики производства?»

«Я делаю то, что могу! Я держу этот город на плаву!»

«Ты топлишь его, как паровой котел прошлого века! Ты часть системы, которая нас убивает!»

«А твои «Чистые» что предлагают? Выключить все и ждать, когда с неба упадут солнечные панели?»

Алиса наконец оторвалась от экрана. Ее глаза, такие же серые и упрямые, как у него, горели.

«Мы предлагаем будущее! Не это коптящее, воняющее прошлое! Есть технологии! Зеленые технологии! Но им не дают хода, потому что такие, как ты, держатся за свои дымные трубы, как за святыню!»

«Технологии стоят денег, которых нет! Ресурсов, которых нет! Здесь и сейчас людям нужно тепло и свет!»

«Чтобы завтра им нечем было дышать! Ты слепой, папа! Слепой и... и трус! Боишься потерять свою должность, свою власть над этой ржавой машиной!»

Артем сжал кулаки. Он хотел закричать, тряхнуть ее, заставить понять. Но увидел в ее взгляде не только ненависть. Боль. Разочарование. Ту самую боль, которую он чувствовал каждый день, возвращаясь с завода.

«Алиса... – его голос сломался. – Ты не понимаешь. Сегодня пришел приказ. От ИИ, который управляет сетью. Они требуют сократить производство на сорок процентов. Иначе отключат полностью.»

Алиса на мгновение замерла. Потом усмехнулась, но это была горькая, безрадостная усмешка.

«Видишь? Даже твой хозяин, твой цифровой бог, понимает, что это тупик. Он просто более эффективен в убийстве, чем ты.»

«Это не шутки! Люди умрут!»

«Они умрут в любом случае! От твоего дыма или от холода – какая разница?»

Она встала, схватила свой планшет.

«У нас, у «Чистых», есть план. Мы не будем ждать, пока алгоритм задушит город. Мы сделаем это сами. Раз и навсегда.»

«Алиса! Что ты задумала?»

«То, что должен был сделать ты. Остановить машину смерти. До свидания, папа. Возможно, когда все закончится, ты наконец увидишь солнце. Если захочешь.»

Она вышла, хлопнув дверью. Артем остался один в тихой, чистой квартире, откуда не было слышно гула завода, но где висел тяжелый, невыносимый запах распада. Распада мира. Распада семьи.

Он подошел к окну, к герметичному стеклу. Внизу, в оранжевом свете фонарей, копошился город. Его город. Его детище и его проклятие. И где-то там, в этой тьме, его дочь шла на войну с ним. И он не знал, как ее остановить. Не навредив ей еще больше.

СЦЕНА 3: ОПЕРАЦИЯ «ЧИСТОЕ НЕБО»

Штаб-квартира «Чистых» в «Коптильне-17» находилась там, где ее меньше всего искали – в заброшенном водоочистном сооружении на окраине. Гигантские бетонные цистерны, давно высохшие, стали идеальным местом для сходов. Здесь был свой микроклимат: прохладно, сыро, пахло плесенью и пылью, но не гарью.

Алиса спустилась по ржавой лестнице в главный резервуар. Внутри, при свете десятка портативных светодиодных ламп, собралось около тридцати человек. Разные возрасты, но в глазах у всех – одинаковый огонь. Огонь тех, кому нечего терять, кроме своей ненависти к системе.

В центре, на импровизированном столе из старой двери, стоял проектор. Картинка плавала в пыльном воздухе: схема завода «Карбон-Синтез». Ее создала Алиса, взломав серверы управления полгода назад. Она знала каждый вентиль, каждый клапан, каждую слабую точку.

«Внимание, – сказал лидер ячейки, мужчина по имени Лео (не тот самый из Парижа, просто совпадение). Он был бывшим экологом, теперь – фанатиком. – «Операция «Чистое небо» вступает в фазу реализации. Завтра, в 06:00, когда вступит в силу приказ нейросети о сокращении, мы нанесем удар. Не по людям. По системе.»

Он указал на проекцию.

«Сердце завода – каталитический крекинг-реактор номер три. Если вывести его из строя, производство упадет не на сорок, а на девяносто процентов. Навсегда. Завод будет неремонтопригоден.»

«А что с людьми? – спросил кто-то с края. – Они останутся без тепла.»

«Люди получают шанс! – страстно возразил Лео. – Комиссариат будет вынужден эвакуировать город. Переселить людей в зоны, где есть зеленая энергия. Или начать ее здесь строить на месте руин этого монстра! Это шоковая терапия!»

Алиса слушала, и ее сердце билось чаще. В теории все звучало правильно. Убрать опухоль, чтобы спасти организм. Но отец... его слова о холоде, о смерти... Они эхом отдавались в ней. Она видела этих людей. Старуху из соседнего модуля, которая кашляла черной мокротой. Детей с бледными лицами. Они не были абстракцией. Они были реальными.

«Алиса, – обратился к ней Лео. – Твоя задача – кибернетическая. Нужно отключить систему автоматического пожаротушения в секторе реактора и заблокировать аварийные клапаны. Чтобы саботаж выглядел как техногенная катастрофа из-за халатности руководства. Ты сможешь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.